

Всяк человек своего счастья кузнец.

Русская мудрость

Вот уже больше двух десятков лет минуло с тех пор, как в 90-е годы я обосновался в Германии. Запомните, мои дорогие: жить постоянно в любой стране и побывать в ней туристом — это вещи разные. И если бы это была единственная авантюра в моей биографии! Конечно же, нет! Одной из примет немецкой жизни стало почти полное отсутствие у меня наличных денег. Это не жизнь в маленьком селе под Пензой, где мелочь нужна на сдачу, а купюры по 50 и 100 рублей самые ходовые, для автолавки например. Так что иногда у меня при себе не будет даже и 10 евро. Это тоже здесь бывает неудобно, потому что во многих местах, типа

в хлебной лавке рядом с домом, карточки не принимают. Почти в каждом городе есть улица Гёте или памятник ему. Типа как у нас повсюду улица Ленина. Хотя уместнее, конечно, сравнить Гёте с Пушкиным. В домах нет мусоропроводов, немцы-мазохисты считают их антисанитарными.

Бдительность и рассудок никогда не должны нас покидать. Причём иной раз один телефонный звонок может иметь не близко идущие последствия. Людмила — школьная подруга моей жены — просто наглядное пособие на тему как не надо жить. После одной незавидной истории в Москве наши с ней пути что-то мгновенно разошлись. Вскоре, вспомнив школьные азы немецкого языка, с почти настоящей справкой одного из малатинских сельсоветов о том, что мы ну просто этнические «фольксдойче» с роскошной фамилией «von Nefedov», мы уехали из любимой страны России, и контакт был утрачен.

Хотя ранее справка из сельсовета не помогала стать «фолкс-немцем». Нужно, чтобы это было отражено записью «немец» в паспорте, выданном в 16 лет. Если он был каким-то образом утрачен, нужна была выписка из формы 1 и ещё ряд заморочек.

Чай, не брежневские времена — гражданство РФ никто на границе не отбирает. Поселились около Штуттгарта — когда была возможность после общежития

выбора места жительства, то нам хотелось поселиться поближе к вокзалу, через который проходит поезд Париж — Москва.

Пересеклись с Людой мы много позже, уже в Германии, при совершенно нелепых обстоятельствах, лишь подтверждающих тот факт, что всякий человек встречается на вашем жизненном пути минимум дважды.

Я же решил получить второе высшее образование, юридическое, и только в Германии. Историей ГДР сыт долго не будешь. С коренными немцами у нас, у понаехавших, мало у кого складываются отношения. Поэтому тут турки общаются с турками, а мы — со своими многонациональными соплеменниками из бывшего Союза, да и посиделки на кухне под гитару и здесь есть.

В эмиграции сразу же видно особенно хорошо, кто человек надёжный, а кто нет. Весь мой недолгий, но весьма позитивный и не только рыночный опыт, точнее, происходившее в нашей Пензе и вокруг в 90-е годы, собственно, и натолкнул нашу семью на мысли об отъезде сначала в Москву в охрану и торговать «сникерсами», а потом и в Фатерлянд.

Непосредственному отъезду предшествовала страшная история с кражей у нас нескольких особенно больших партий недешёвого шоколада. Мама была недалеко от инсульта, и решение бежать от ельцинского бардака нами было принято скорее импульсивно, чем холодным умом.

Ну а в том, что украденные конфетки и сладости были немецкого производства, мы увидели своего рода перст Божий и решили записаться немцами с прицелом на Германию. Наши одноклассники брали в сельсовете при нас справку, что они казаки. Вот дураки! Казаки — это не национальность, а сословие. С точки зрения моей любимой формальной логики они могли эмигрировать лишь в аза стан, да и то если это слово пишется по-казахски.

В те годы из России модно было бежать всем, кто имел хоть малейшую зацепку. Первым уехал, как ни странно, настоящий комсомолец Пашка. Точнее, предки его нашли возможность выпихнуть его из опасной, голодной, полубандитской в то время Пензы.

Что же касается меня, то, оказавшись за рубежом, я вдруг обнаружил, что совсем, совершенно не знаю жизни — и это после работы в торговле, в школе и в охране у нас в Москве-то! Со времён пединститута изучая свою малышку ГДР, я наивно полагал, что и в единой Германии жить так же комфортно, как в царстве у старика Хонеккера.

Мой восточно-берлинский знакомый Пауль Куртович, настоящий немец-гэдээровец, сразу мне сказал: «У вас сейчас в России намного лучше, чем здесь. Столько свободы у вас, столько воли, что ни в Берлине, ни за океаном её нет, и никогда не будет просто. Твоя идеальная Германия давно

умерла вместе с нашей ГДР. Смотри, как бюргеры не платят налоги, крадут в магазинах и перебегают дорогу на красный свет! А в метро пропасть зайцев!» Сразу же похвалив Павлика за хорошее знание русского языка, я попозже с ним согласился полностью. Ведь если мы видим в Берлине пешеходов, которые аккуратно переходят дорогу по пешеходному переходу, то это как раз и будут «понаехавшие» из недавних.

Все мои принципы и устои о том, что такое хорошо и что такое плохо, весь априорно полученный небогатый жизненный пензенский опыт — и невнятная кратковременная женитьба на москвичке, черед некресивых и малопонятных сожителств и неожиданно свалившаяся на голову нищета 90-х — всё это оказалось здесь вдруг совершенно ненужным. Не просто ненужным, а лишним, как экзамен по истории КПСС в Боннском университете. Надо было брать в руки мочалку и пемзу и каким-то образом мыть себя, стирать, соскребать кожу за кожей все ненужные эмоции, бросать старые ненужные связи, связанные с тем, что осталось там, в Москвопензе, и начинать с нуля. Я очень быстро понял, что в эмиграции любимая жена — хоть и друг человека, но все важные решения лучше принимать самому, ведь здесь-то выживают только те, кто запрещает себе оглядываться назад, кто не жил при социализме. Правильно, что мы не остались жить на

территории Восточной Германии или тем более «нашего» Берлина. Да и русский язык с нами повсюду — сами слушаем радиостанцию «Русский Берлин», а многие наши знакомые по сию пору по телефону здесь отвечают только по-русски. Мол, надо немцам со мной поговорить, так пусть они по-русски и учатся.

Что меня поразило, то это поголовное стукачество и доноительство в полицию и во все инстанции на всех и на каждого. Ну, хоть тут у нас с женой мораторий — друг на друга не стучать.

Всех новых знакомых, попадавшихся на моём пути, — а были это главным образом люди, недавно приехавшие в страну, — можно было условно разделить на четыре неравных сорта. Первые находились в полублаженном состоянии дикого восторга от свалившегося на них западного изобилия, от спокойствия и умиротворения, от того, что больше не нужно опасаться за то, что завтра нечего будет есть, а послезавтра в подворотне полупьяный урод пристрелит твоего ребёнка. Турки тогда ещё смирные были.

Вторые были прямой противоположностью, в основном это наши евреи, — всё им не нравилось, всё для них было не то и не так — язык непростой, немцы угрюмые, собаки менее ласковые, чем дома, небо вовсе не цвета берлинской лазури... Ясное же дело, что хлеб как резиновый, а солнце совсем не греет.

Третьи молча ходили на курсы немецкого, скандалов в общежитиях не устраивали, заканчивали профкурсы и упорно работали. Добиваясь своих целей. В основном это были не фальшивые немцы, как мы с женой, а из поволжских потомков Гансов и Фрицев.

А четвёртый сорт были как наша Люда. Постоянно сравнивая увиденное здесь и в России, начинаешь воспринимать жизнь в нашем Пензомосковье совсем по-другому, любить, что ли? И ностальгия здесь ни при чём! Так вот Люде самое место было бы годах в 30-х, времён первых пятилеток, этакая товарищ Фурцева из неё бы идеально получилась. А что выросло из неё, то из-за этого мы и страдали. Никакого возрождения и расцвета здесь, о которых нам рассказывал на какой-то лекции в соседней синагоге товарищ Бомчин, нет и не предвидится. Настолько наши новые соплеменники здесь отолерантились, настолько народ унижен в национальном смысле, что существует даже список слов, которые законно находятся под запретом. «С немецким приветом» говорить и писать ни-ни! Это гитлеровский лозунг. Слова «негр» и «еврей» лучше не говорить.

Словом, выезд из родных пенат не может, да и не решает всех проблем — он всего-то заменяет одни вопросы другими проблемами. У всех своя судьба.

Людка стала одной из самых первых моих прежних знакомых

в этой части Европы. Сначала она мне очень понравилась. В меру рослая симпатичная спортсменка-комсомолка — всегда вежливая и улыбочивая, прямо с плаката советских времён, всегда готовая помочь, если вдруг нужны нежные женские руки, да к тому же ещё и некуряще-непьющая, а слово «наркотики» слышала только по телевизору в фильме «Тайны мадам Вонг». Картинка, а не Людмилка.

Чем она занималась в Германии, я сначала толком и не понимал. Бесконечно с комсомольским задором училась на разных профессиональных курсах, потом искала работу, не находила, снова училась. Поначалу это было даже забавно. В своё время мы все тут проходили подобную дорогу: сначала учили язык, потом снова поступали в институт или шли получать дополнительное образование, потом искали работу. Находили, не сразу, конечно, может, и не всегда ту, о которой мечталось, но рано или поздно на ноги становились все, но в люди по российским меркам здесь выбился малый процент переселенцев. А вот насчёт того, что в люди никто не выбился, тоже можно поспорить. Молодёжь, приехав сюда из бывшего СССР, в большинстве своём нашла себя: закончили школу, получили образование. А получив здесь образование, нужно иметь большое желание не найти работы, тогда будешь сидеть на пособии. Многие из СССР стали

врачами, учителями, налоговыми инспекторами. Имеют отели. Практически мало чего достичь смогли люди, которым не дался язык... Это и понятно. Многие врачи, аптекари, учителя, бухгалтера, воспитатели с советским образованием смогли защититься. Среди переселенцев очень высокий процент занятости. После коренных немцев и турок мы здесь люди третьего сорта. Не всегда, конечно, но бывает. А у Люды даже так не сложилось. Что-то с ней было как-то не так после того, как сняли красный флаг над Кремлём.

Надолго мне запомнился один очень неприятный разговор, произошедший между нами лет через пять после знакомства. Я к тому времени успел доучить на достойном уровне немецкий, ведь с разговорным уровнем языка в университет не поступишь. Нужно владеть на уровне С-1.

Оформил права, поступил в университет для получения совершенно нового образования. Одновременно трудился, где только умел — и пол мыл, и в баре охранником, а потом и за буфетом стоял, и за стариками ухаживал, и открытки продавал туристам. И жена живой скульптурой стояла. Да, тяжело сначала, но так жили абсолютно все молодые семьи, приехавшие пускать корни в Подберлинье. Все, кроме Людки. Она по-прежнему сидела на пособии, а пособие — это путь в никуда, как у ГДР осенью 90-го года. Где-то она

опять училась, что-то искала, но работать на грязной работе отказывалась, а места по профессии — была она в своё время там у нас какой-то не самой плохой секретаршей из райкома партии — ей никто не предлагал. Видимо, своих парткомов хватает. Или может, её не брали потому, что она ни в какую партию вступать не хотела? Как не хотела она и на ресепшен в отеле.

В тот день Люда позвонила нам с женой и невесело попросила прийти хоть кого-нибудь из нас. Лучше обоих, но если оба не могут, то «и Ярослав стодится». Кстати, Ярослав — это я. Мы с женой дружили с Людкой, часто приглашали к себе, кормили, полили безалкогольно или оставляли ночевать.

Было в ней что-то такое, пензенское что ли. Одинокая молодая разведёнка, дети и экс-муж на реке Суре остались. Тут ни кола, ни двора, никаких родственников рядом — и родители остались в России. С непростой и неустроенной судьбой, о которой мы вообще-то толком ничего и не знали.

Временами Людка пропадала зачем-то и куда-то на неделю-две, потом снова объявлялась. Где была, не говорила, со своими подругами-друзьями не знакомила. Да мы сильно-то и не лезли.

Ей было не холодно рядом с нами, она явно хотела и здесь нормального семейного обустройства, к горячим ужинам по

вечерам и неспешным разговорам за бокалом пива, к воскресным семейным вылазкам на природу — ко всему тому, от чего она была избавлена в силу своего одиночества. Почему молодая, неслабая, привлекательная по-женски в общем-то особа остаётся одинокой, озлобленной и неприкаянной — это другой вопрос. Мы его себе не задавали, но двери нашего дома для неё всегда были не заперты.

Поэтому, когда Люда попросила прийти «хотя бы Ярика», я собрался и пришёл к ней. Она открыла мне дверь, кивнула и молча позвала в однокомнатную хатку-студию. Вид у неё был не фотомодельный — невесёлые глаза, непричёсанные волосы, какая-то сплюснутая физиономия, давно не знавшая косметики.

Обернувшись, я увидел в дверном проёме ванной комнаты гору неглаженного белья, небрежно сваленную прямо на не застеленном полу.

В самой комнате был немалый беспорядок. Разбросанные по полу вещи, какие-то разговорники и диски, несвежие журналы и русские газеты. Вид при этом у неё, как у человека, в спешке покидающего насиженное гнездо, не особо заботясь о состоянии окружающего мира вокруг себя. Я, честно говоря, испугался. Что же должно было произойти за те несколько дней, что мы с ней не встречались?

Вот только во вторник она приходила к нам вечером, заодно

и поужинать, как ни в чём не бывало. Юморила, увлечённо рассказывала о том, как разослала очередную стопку резюме, и вот-вот должны прийти ответы, в этот раз её обязательно возьмут на работу в какую-то партию.

Но сейчас передо мной сидела как будто совершенно посторонняя подруга. Я её такой — в разных тапках, с вороньей слободкой на голове и мешками под глазами — не знаю! В мозг мне пришли в гости невесёлые идейки. Ничего себе мы друзья, называется: совсем как сестра почти при смерти, а нам — хоть Гитлера в печку!

— Людк, вас ист дас-то? — От волнения я стал путать оба языка в голове. — Я могу тебе чем-нибудь помочь? Ну не я, жена... А, Людк? Ты вообще слышишь меня?

Люда, никак не отвечая на мой вопрос, усердно записывала в раздувшуюся до неприлично-бомжацкого объёма клеёнчатую сумку мягкие купальники, трусики, какую-то очередную книжонку «Как стать Ангелой Меркель», и другую — «1003 способа законно не платить налоги», ещё что-то.

Наконец их светлость уделила мне внимание:

— Слушай, я что тебя позвала-то? Тебе чё-нибудь в Пензу надо передать своим?

Всё ясно. Значит, опять ностальгия нагринула.

— В Пензу? Да нет вроде, так быстро ничего и в голову-то

мне не приходит. Дубецкие вон на той неделе улетели, так я им с собой диски для маминой подружки, тёти Лиды на Минскую улицу передал. Они уже 6-го назад приедут. Людк, а ты надолго? В КППРФ я узнавал, тебе там вакансий нет, да и Жириновский без тебя обходится. К лету назад приедешь или опять там в берложке спать будешь?

Вопрос мой, формально логичный, я задавал ей уже много раз.

Всё увиденное мною сейчас очень напоминало не новую, когда-то популярную сценку или пьеску на тему «Я люблю Россию». В ней каждый из артистов уже так устал с утра до вечера повторять одни и те же реплики, что произносит набившие оскомину фразы скорее по привычке, в надежде как-то шнеллер отделаться и от артистки на сцене, и от сюжета как такового, спрятать его побыстрее в келлер.

Людка встала, поглядела на меня новым незнакомым взглядом. Нет, вовсе не зло, а как на малое дитё, утомившее пустыми расспросами:

— Да заколебали меня тут все, кругом одни фрицы! Ну как ты не понимаешь? Ярик, я не могу больше сидеть в этой будке под аркой и с утра до вечера пялиться в телеящик! Ну не могу! — Люда по привычке покраснела, а лоб вспотел. — У меня складывается убеждение, что настоящая жизнь здесь куда-то уходит, что она вообще не здесь, а в России,

причём в дальневосточной её части! Люди чем-то заняты, что-то делают, у них какие-то планы, все к чему-то стремятся. Я не создана для Бундесреспублики, понимаешь?

Мне стало ещё грустнее. Это значило, что она опять прогнала Виктора, приличного немца из Казахстана, а ей опять отказали в месте в какой-нибудь местной партии, а их тут почти сто, и ни одной правящей! Людка с упрямством пони рассылала резюме по всему Штутгартю, но почему-то в радиусе 21 километра, не желая сделать и шага в сторону, видимо, это зависело от линий местного метро. Или электричек? Когда ей, неглупой пензячке, даме безмужней, не скованной никакими формальностями, рекомендовали не закидываться на нашем городе, а пробовать искать место по всему Дойчланду, благо Германия небольшая, где-то 800 км из конца в конец, она только отбояривалась от таких советчиков. Когда я ей советовал выйти замуж за настоящего немца из местных — она мне сказала, что ей они не нужны, менталитет у них не русский, не наш...

Да и зачем куда-то переезжать, когда можно мирно сидеть на одном месте, получать пособие и искать себе не один год неспешно работу в местных райкомах? Когда-нибудь она, работа, обязательно нашла бы способную партработницу Людмилу, ведь с точки зрения моей

любимой логики всё имеет начало и конец, а это значит, что блоку НАТО тоже скоро конец. А Украину с Россией в Евросоюзе не ждут, а это значит, что конец у них один — быть вместе, а Евросоюзу — и не быть.

Когда наша общая подруга предложила Людке место практикантки в партии «зелёных», чтобы потом продвинуться и работать в партийном штате, где она сама трудилась на ниве охраны природы секретаршей и программисткой одновременно, Людю надо было видеть.

Даже я так не огорчился, когда мне, кандидату наук, предложили в Берлине раздавать за деньги листовки, призывая голосовать за возврат гэдээровских порядков.

Она, партспециалистка хай-класса — и практиканткой к «зелёным»?! За евроценты быть девочкой-прислугой за всё?! Ни за что. Мы бедные, но с гонором. «Они не раз пожалеют», — эти слова Людю с невероятным упрямством видерхолила после каждого полученного партотказа.

Они ещё пожалеют, и не раз... Но никто почему-то не печалился, а Людка по-прежнему едва сводила концы с концами на небольшое пособие. Ведь кто у нас (тьфу ты, у них, конечно!) считается финансово успешным человеком? На полном серьёзе берлинец Куртович ответил, что это немец, который умеет сводить концы с концами, то есть умеет жить от зарплаты до

зарплаты! Есть что сегодня три раза покушать — жизнь и удалась. Кошмар! Оказывается, что в Штатах финансово успешный тот янки, кто живёт без долгов и кредитов. «Но в Германии так нельзя, — сказал Куртович, — соседи донесут в налоговую, чтобы проверили, на что ты живёшь. Так что малый кредитик, Ярослав, ты всегда бери время от времени». А нас при СССР приучили к мысли, что должны всегда быть немалые сбережения на достойную старость — в этом секрет денежного успеха по-русски. Есть здесь, в Фатерлянде, даже и налог на религию. В принципе, можно заявить о себе как об атеисте, и налог этот не платить, но в этом случае тебя ни на одну приличную работу не примут.

Абэр подрабатывать Люда идти не хотела не потому, что она лентяйка или твердолобая коммунистка, нет, но не желала ни в какую. Только по специальности, только в партию, родственную по духу, и обязательно на хорошую ставку со спецпайком. Иначе — никак. Позади Бородино, Москва и Пенза!

Когда-то давно я делал потуги объяснять ей, что коммунизм не строят уже и в Северной Корее, пытался утешать, объяснять. Ассорти из фактов и доводов менялось от диалога к беседе, временами мы готовы были перегрызть друг другу глотку. А потом мне вдруг становилось жалко эту неприкаянную особу,

никак не способную определить себя с новыми реалиями, где же она всё-таки хочет жить и чем ей заниматься по жизни, какой муж ей нужен.

Лежащие на поверхности простые прописные истины из серии «всем трудно» и «эмиграция — это не курорт, учись приспособливаться к немчуре» до неё или не доезжали, или просьбы собраться и взять себя в руки Людмила воспринимала как акт личного оскорбления. Ну а душевно-незлобивые подковырки на тему «ну тогда — домой, нах Пенза-штадт, к мутти» её лишь злили ещё больше.

Временами невзаимовыгодный обмен словами становился ненужным для всех нас. И мы расходились каждый при своём. Она — не в лучшем настроении. Я же оставался уверенным в своей железной правоте, что «хорошо» по предмету «формальная логика» было мне незаслуженно завышено на экзамене в ПГПИ, а ораторское мастерство явно не принадлежит к числу моих ярких талантов. Жена давно перестала убеждать подругу, поняв всю тупиковость этих попыток, и относилась к ней как к ниточке, связи с Пензой, сестре-неприкаянке. Может, и прусаков в голове полно, что впору тараканьи бега открывать, а отказаться от общения невозможно, одноклассница. Почти родная кровь.

«Живёт и живёт, ну и Бог с ней, — говорил я себе. — Не хочет и не надо. В конце концов,

дорога нах Пенза всегда открыта. Хочешь домой — вперёд!»

Задумавшись, я не обратил внимание, что Люда давно набила слишком свою баулистую сумку, из распухшего бока которой почему-то выпирали складные зонтики, и присела передо мной на корточки, преданно заглядывая в глаза. Зачем ей в России зонтики? Там что, таких же китайских нет на Центральном рынке?

— Ярослав, ты ж меня вовсе не слушаешь! — Я так и не успел логично домыслить, какая связь между зонтами и отъездом домой. — Дело даже не в работе. Да я на это давно забила. Какая я партработница, если партвзносы с 91-го года не уплочены? Да ладно, что там — Ленин не обидится. Понимаешь, я могла бы устроиться куда-нибудь, лишь бы арбайтэн. С другой стороны, такие центы, не скажу гроши!

— Людк, да тебе просто свет не мил, да и Витька ты бросила! Просто скучно. Пойми ты, вот так вот просто сидеть дома и ждать, что тебя позовут куда-то в партию — это неразумно. Вспомни свою биографию, ты за столько лет здесь никогда не работала по-настоящему. Всё ждёшь кого-то, чего-то, ищешь себя. Я на твоём месте в свои первые годы здесь...

Я не прав — это был явный нелогичный промах с моей стороны. Сейчас будет.

— Ярик, топай уже! Мешаешь сумку собирать. — Люда начала

шуршать по своей мини-кухне, разбрасывая попадавшиеся под руку предметы. Недоеденный кусок хлеба с плесневелой, отливающей корочкой вылетел в распахнутое окно. «Настучат соседи-то» — на автомате подумалось мне. Чашка с остатками недельной давности чая с неместным грохотом обрушилась в раковину. «Ой, а за нарушение тишины другие соседи на неё донесут» — зафиксировал мозг. Ну да, ей всё равно — она в Пензу собралась!

Щас, ещё чё-нить швырнёт. Однако кухня размером метра четыре была практически пуста. Причём и кухня, и сама планировка квартиры были такие же, как я не раз видел в нашей столице и на берегах Суры! За почти десяток лет житья в Германии Людмила так и не собралась обставить квартиру хоть как-то поуютнее. Ну да ладно, лампочки, как у всех 20-ваттные, горят вполне акала, чтобы яркость в них подкручивать или убавлять, продают специальные выключатели с подкруткой.

Старый стол и табуретки, когда-то стоявшие у подъезда, где их оставил временно кто-то из соседей до приезда грузчиков-мусорщиков, ободранный мини-холодильник, не раз помытая пластиковая посуда. Словом, я сам неряха-парень и лодырь, но такого даже во временных местах обитания у нас не было. Да и сама Люда смотрелась в этом интерьере лишней фигурой, как

артистка из массовки, которая отыграла свою роль, но позабыла уйти со сцены.

— Устала я тебе объяснять. Вот еду я в автобусе, и, понимаешь, оставится на меня какой-нибудь турок и смотрит. И думает, засранный беженец, что уж он-то коренной бюргер. У нас тут и так всё как на вулкане, летит всё к немецкой муттэр, почти шесть миллионов безработных, а тут ещё ты — получательница социального пособия. А когда ты где-нибудь с акцентом что-то скажешь... Ты видел их лица? Да не турок, а фрицев? Не, ну скажи, оно тебе надо?! Они, даже поняв тебя, делают вид, что не расслышали! «Видэрхолен, битте, нох айнмаль Ихь фэрштээ зи шлехт». Суки, уроды!

И этот анти-гимн новой родине мы уже слышали. Много раз и в разных тонах. Вряд ли сегодня она изречёт что-то особенно новое. «На Западе ничего нового», — как писали в ГДР о Боннской республике.

Малость не доиграв до конца первого акта пару цитат, типа реплик, я без эмоций пожелал ей счастливого пути, высказал просьбу помириться с Виктором и направился нах хаус.

Домой вернулся я в настроении, далёком от оптимизма, пожаловался супруге. Она только вздохнула. А чего ты хотел, говорит? Переубедить её? Отговорить снова ехать в Пензу? На кой? Ей здесь невесело, алес шлехт, всё не так. Пусть едет. Мозги-то себе

она не поменяет и там. Вот увидишь, совсем скоро климат переменится, и она метнётся назад. Ей вовсе не здесь плохо — ей с собой плохо. Не бери, Ярик, в голову. Иди, вон, лучше к семинару по региональному праву поготовься.

Больше мы в тот день о Люде не вспоминали. А она не подавала о себе признаков. Через неделю мы получили по электронной почте первый меседж. «Ярик, прости, была не права, вся на измене была. Пенза после Штутгарта — конфетка! Жизнь при ВВП не затихает, бьёт не ключом, а фонтаном. Ярик, тут всё бурлит! Жизнь, ферштеешь? Дизель-арену отгрохали! А там — шайзе. Здесь один драмтеатр стоит всех берлинских! Здесь культура, вера. Здесь мой родной русский язык. Я живу здесь. Дышу полной грудью. Я не боюсь ходить по улицам. Здесь нет негров и арабов. Тут родные среднеазиатские лица, и никто не упрекает меня в нерусском акценте. Это я их упрекаю! На днях начну искать работу и мужа. Я хочу работать на русском языке и не чувствовать ненавидящий в спину взгляд. Работы здесь — навалом! А с немецким — так вообще. Буду искать место какого-нибудь менеджера в «Единой России». Ну или по внешним связям. С моим-то дойчпаспортом! Маша и Ярик, может, и вам тоже назад? Хорошие специалисты всегда нужны. Устроитесь быстро. А тебе за чем это новое образование? Ну, какой из тебя юрист, сам подумай?

Ты профессор готовый! Будешь работать журналистом или в педвуз пойдёшь, как раньше, по тусовкам будем ходить, о богатых и знаменитых гостях Присурья писать. Подумайте. Это шанс начать всё сначала, и главное — дома! Дома, родные мои, дома!»

От души мы порадовались за подругу. Хотя и понимали, что времена, когда, как писал поэт Борис Шигин, «и гордимся мы своей Державой, и в домах без роскоши — уют», безвозвратно прошли. Да, правда, порадовались. Несмотря на все наши разногласия, эта деваха, по-своему симпатичная и светлая личность, была нам дорога. Дай ей, Боже, там обустроиться и жить, как она мечтает. Конечно же, это счастье — купить журнал «Сура» по цене чуть дороже одного евра в Лермонтовской библиотеке и читать его, читать! А не разглядывать тусклые буквы на экране мало-мощного, энергосберегающего ноутбука в Штутгарте. Хотя надо признать, что в бумажной версии и здесь в продаже есть «Московский комсомолец», «Экспресс-газета», да много чего.

Бабёнке уже под 50. Пора бы и замуж ей куда-то и за кого-то. Ведь старик Фрейд был прав. Даром, что он был венский еврей. Все болезни от недостатка секса. А я дополню ещё, что и от недостатка денег тоже. Поэтому, приехав на экскурсию в недалёкую от нас Вену, я среди главных дел посетил музей именно товарища Зигмунда! В его кинозале

давали биографический документальный фильм о нём. По-немецки говорили, а титры снизу были по-английски. И вот я, читая их и прислушиваясь к фильму, из двух языков что-то еле-еле улавливал.

Новая порция новостей в ноутбуке у нас оказалась через пару месяцев. По гримасе истории первой их открыла Маша. Я в тот момент сидел на кухне у плиты и сортировал по 15-ти разным пакетам разный мусор — к нам должны были скоро прийти гости, а к подъезду приехать спецмусоровозка для некоторых видов мусора.

Та самая приятельница, которая предлагала Люде место практикантки в партии защитников экологии, с мужем заглянули. Не дождавшись энергичной когда-то Людмилки, на эту скромную должность с окладом в 1500 евро взяли обаятельнейшую, улыбочивую, плохо знающую язык турчанку, говорящую с восточным акцентом, из Курдистана, но готовую стойко сносить все тяготы и лишения за небольшие деньги. Все, включая наших друзей, были от трудолюбивой, усердной матери трёх турчат (или курдичат?) в полном восторге, а её шеф уже подумывал о том, чтобы после окончания практики предложить гражданке Германии и постоянную должность тысячи за три, что ли, евро. Хотя у нас в Германии два самых неприличных вопроса — это как раз на тему, сколько ты получаешь, и за

какую партию ты будешь голосовать на выборах? О Люде и её снобизме давно никто и не вспоминал.

— Слава, я в другой раз буду с тобой на спор ставки делать! — послышался из вонцимер голос жены. — Пойди сюда, умный ты мой пензячок, почитай, что нам тут почтовые дела пишут. — А почтовые интернетные волны принесли новое её письмо. Но простое, а с претензиями к Василию Кузьмичу.

«Маша и Яра, тут всё не так просто. Я звоню по объявлению, договариваюсь о встрече. И тут начинается. Берут только блатняк. Зарплата в пересчёте на евро вообще в Пензе — одни слёзы. Не знаю, что делать. Спрашивали: «А чего же это вы, говорят, к нам назад пожаловали. Да ещё из сытой Германии. И чем вы там занимались? И возраст у вас уже под 50». Дети мои, здесь без протекции — никуда, всё в лапах ВКБ! Ну или совсем уж за гроши. Простой работы много. И в партии разные принимают. В компартию зовут пахать бесплатно. Расплатимся, — говорят, — когда к власти придём. Типа там электрики, сантехники, торговки на Цэ рынок, водилы всякие. Но там узбеки пашут. Представьте себе, и в России гастарбайтеры теперь есть! А на приличную работу не попасть. Или берут молодняк после ПГУ сразу, чтоб выращивать для себя. Прикиньте, а пединститута нет! А я кому нужна?»

Оставаясь в рамках толерантности, я под редакцией жены, стоявшей над ухом, отписал Люде ответное «мыло», в котором посоветовал не сдаваться, а искать дальше и мужа, и работу. В родной стране обязательно должно получиться. Да и бундеспаспорт многим в России помог. С ним-то шансы выйти замуж у неё заметно выше, чем как там её? У простой россиянки безбундесовой!

Потом пензенские вести заглохли. Два месяца, три. Мы уж начали волноваться не по-детски! Мобилка всё время у неё была вне зоны доступа, на почту она не отвечала, иной связи с ней не было. Наконец пришла эсмэска Маше с незнакомого номера: «Послезавтра прилетаю. Русланд — страна лохов, страна господ! Расскажу всё при встрече. Люда».

Мы встретили пензячку на автовокзале. Была она невесела, не накрашена, баулистая сумка заметно уменьшилась в размерах, зонтиков почему-то не было видно. Сама она как-то постарела.

Невидящим взглядом она поздоровалась с нами. Поехали.

— Люда, ну что? Как там Пенза? Не тяни. Ты в порядке? Дома что там? — Мы расспрашивали её всю дорогу до дома, но она только отмалчивалась и смотрела в окно машины. словно никогда раньше не видела проплывавшие мимо чистенькие до омерзения немецкие домики, смотрела на дивно достойные кисти живописца роскошные газоны и клумбы, на «кошмарных» пешеходов с их не менее «ужасными» собаками.

Мы привезли её к нам. Пока жена готовила ужин, я молчал. За ужином подруга мрачно подняла пятую рюмку водки и потом только заговорила:

— Нет, мои дорогие, ну куклы ряженные! Ну эта Россия, а «Единая Россия» — вообще не партия! У-ужас! Я налью себе ещё, окей?

— Чего ужасного-то? Партия как партия, — попыталась расставить акценты жена. — Ты пятый раз повторяешь это слово. Объяснить прямо можешь? И закусьвай, Люда, давай положу ещё. А то уснёшь прямо за столом, с дороги-то. Что-то я не помню за тобой такой тяги к алкоголю-то.

Приехавшая гостя с аппетитом налегала на скромное, как бы по-немецки, застолье.

— Ярка и Машка, ребят, там злющие люди живут. В той Пензе стадо неудачников. Ужас! Понимаете, повсеместная грызня и ненависть, ненависть, злоба и грызня. Все всех ненавидят. Все только и хотят тебя уесть, поддеть, забить, добить и растоптать. Никакой толерантности нет и в помине! В Москве в метро — грязь, духота, бомжи вонючие, Лужков, что ли, в отпуске? Слушайте, там этих скинхедов разве-лось не меряно! И они в открытую маршируют. А мне это как-то не того. Уж лучше турки с йеменцами. Прикиньте, мобилку на Цэ рынке украли-и! (Тут Маша напомнила, что и здесь, окрест Страсбурга, мобилки тоже воруют). Карман разрезали и готово! Хорошо, немрайзепаспорт целый остался. Ка-азлы!

— А! А как с работой? На-шла чего? — осторожно перевела жена тему. Люда позеленела просто, посмотрела на нас, как Ленин раньше на буржуазию не смотрел.

— Какое там! Нет, ну не идти же мне дворничихой, в самом деле. Или с Пензы в Москву за товаром ездить. Пару раз даже в Саранск ездила на собеседование. Ну, думаю, у мордвы своя республика, партии там мордовские свои! Ждите, говорят, ответа. Вот от той поры и жду. Ну подумайте вы сами, зачем оно мне так? При таком-то раскладе? За стариками в хосписе я и здесь могу поухаживать. Или, например, рекламу разносить. Такой-то работы и в Германии полно. А мужики там — алкаши одни. Да и зарплата в евриках у них — не ай! Гражданство Франции получить опять же хочу. Я ж здесь уже сколько лет. Завтра же начну искать. Здесь хоть не страшно, дышать можно спокойно. Одно слово, Европа! Культура с мультикультурализмом наперевес!

Посидев ещё с часок, Людмила исчезла.

А под утро мне приснился ужас. Да не просто, а ужас-ужас-ужас, как говорят блондинки с Рублёвки.

Скинхеды и мордовские националисты (надо уточнить, есть ли они в природе?) бегают за Людкой, прижимают к Берлинской стене, отбирают мобилку. Потом самый грозный, похожий сразу на Зюганова и на ВВЖ,

огромный лысый мужик в подбитых металлом ботинках, замахивается на неё, беззащитной уточкой втянувшую в плечи голову с рано появившимися сединами, и кричит во всю Ивановскую: «Ну и где вы были все эти годы? Как жила «Единая Россия» без вас, фрау Петрова? И зачем решили к нам вернуться, да ещё из Германии? У нас тут полно своих гастарбайтеров партийных!» А Василь Кузьмич колет её булавкой и кричит: вот тебе, вот тебе. Меркелиха рядом бегаёт, беременная почему-то. Я проснулся и не мог сначала сообразить, где я — в Пензе или на Берлинщине.

Через неделю Люда доложила, что начала новую жизнь и вновь активно ищет мужа из казахских немцев и бурно ищет работу в радиусе уже 52 км почему-то. Странная логика. В вопросах поиска супруга у неё стабильность, — подумалось мне, — а в выборе работы километраж увеличился. Поэтому времени у неё теперь будет мало, чтоб объехать все собеседования, и чтоб мы все, и я в том числе, её никак не тревожили. Мы вполне корректно обещали не мешать ей в этих святых делах и деликатных процессах. Попросили только сообщить, когда что-то появится новое.

Через года три у меня раздался звонок.

— Ярик, тебе в Пензу ничего не надо передать? Нет, ну вот, только не начинай с ранней молитвы раввина!

И... Да, вы правильно мыслите, прозорливые вы мои! Люда снова уехала, читать, видимо, журнал «Сура» в бумажном варианте! Здесь-то в основном подписка идёт через интернет на газеты и журналы, оплата по банковской карточке. Бывает, что первый месяц вообще, как демоверсию, какую-нибудь газету в почтовый ящик кладут бесплатно. А потом, если не откажешься от подписки, просто списывают с карточки деньги за подписку. Помню, что она говорила, что ищет мужа с лицом Максима Токарева с цветной фотки из этого журнала. На этот раз она решила — окончательно. Как я понял, со своего пособия она насобирала сколько-то там... тысяч евро, чтобы открыть свою новую партию в Пензе! Всякое бывает. А я-то, наивнячок, думал, что в России все партии только в Москве...

Кошмар-кошмар, как говорили знакомые шлюхи в столичной гостинице «Москва», когда я там работал в 90-х в охране!

И несколько ещё лет мы о ней ничего не слышали. Долепали слухи, что вроде бы живёт где-то в Москве, работает или в Госдуме, или при ней рядом, по партийной линии, конечно. За мужем за русским, с берегов Волгоды — русистее не придумать. Туда монголо-татары не дошли, фашисты тоже там не были! Зачем ей казахские немцы? Общенье она как-то резко оборвала, а мы не стали навязываться. Что

нам в Госдуме делать! Мы и в рейхстаге-то под стеклянным куполом на экскурсии всего разок были.

Прожила Людмила в России несколько лет. А потом ей показалось, что какой-то там неведомый нам в Штутгарте кризис начал сатанеть, причём не в стране абстрактно, а совершенно конкретно по отношению к ней одной. Хотя какой кризис может быть у них в Госдуме?!

И пора менять место жительства. Помирилась с Виктором давним, познакомила его с вологодским Владимиром. И... все трое дружно улетели в Исландию на ПМЖ! С её-то французским новым паспортом. Почему под Рейкьявик, я понять так и не сумел своим куцым умишком — кандидат наук я всего лишь по-русски, это здесь я — доктор наук Ярослав!

Не успели мы с Машкой мяукнуть, как нам было доложено, что в Исландии — всё на редкость стабильно, у неё два мужа сразу — Витя и Вова, дружно втрём жизнь наладили, жить замечательно. А уж таким башковитым, как они все трое из России, — вообще просто замечательно, и работа нашлась всем именно по партийной линии. Правда, все трое служат разным местным партиям, — это было решение Людмилы: кто бы из них ни победил на выборах, место в парламенте им всем троем просто га-ран-ти-ро-ва-но!

Партии оказались там под немецким влиянием, и Люда-Витя-Вова, двое из которых вполне пристойно владели немецким и английским, их трио пришлось там очень ко двору. В партработе Людмила — просто богиня, после КПСС разбиралась неплохо — благо когда-то здесь, в Германии, закончила и какие-то профкурсы по партработе. Каких только курсов она не заканчивала?!

Диалог опять возобновился. Люда начала забрасывать нас мейлами. И было у неё всё в полном шоколаде внутри тортика с цветочками сверху. В письмах у неё появилась страсть к суффиксам превосходнейшей степени.

И страна красивейшая, и люди приветливейшие, и природа обалденнейшая, и турок немного, а русских сотни три живёт, не больше.

Друзья и знакомые, которым она рассылала одинаковые восторженные письма, были за неё просто счастливы. Люда не скупилась на подробности, охотно рассказывала, как осваиваются они в новой стране, как познают культуру, ищут себя. Словом, это вам — не Германия с партией «зелёных» и шрекленутой работой практикантки!

Контракты у всех них были временные, даром, что партии разные, а порядки одинаковые! Но её это совершенно не тревожило. Исландия же сказочно счастливейшая страна. Так-то оно так, но жизнь — та ещё сучка крашенная. Тут-то и польхнул

исландский вулкан с непронишимым названием.

Длительное использование превосходных степеней не могло пройти бесследно — рано или поздно наступает пресыщение или отравление. Или что-то другое. Самые дальновидные из друзей пытались робко напоминать Люде, что не надо бы так буйно восторгаться, оставить одного мужа, так как рано или поздно может прийти неприятное послевкусие. Но она только отмахивалась и продолжала с придыханием вещать про чудо чудное под названием «Исландия».

Вот и опять карета превратилась в тыкву раньше положенного срока. Немцы урезали финансирование своих партий в Исландии, Людку турнули. А парням её урезали зарплаты. А ипотека?

Хоть вулкан и полыхнул несильно, но страховку, как пострадавшим, выплатили почти в два раза меньше. Ипотека стала непосильной. Даже в счастливейших странах наступает кризис. Немедленно всем друзьям были отправлены самые гневные письма о том, что если и есть на свете ад — то это только Исландия. Хуже, чтоб не сказать «адее и плоше» — только Франция, Германия и Россия. В порядке перечисления. И нужно, просто необходимо немедленно искать новую страну. В некоторых письмах к друзьям мелькало слово

«Мадагаскар», типа там выгодно партстроительством заниматься. Ну, или Намибия?

Мы же с женой получили короткую эсмэску с незнакомого номера со словами: «Вылетаю, на днях заеду к вам ненадолго. Неудачи надо пережить в родном государстве. В России. И работы там много для таких, как я. Тем более, говорят, что Иван Александрович — классный губернатор! А Собянин — так вообще метро строит всюю. Я заеду к вам? Может, в Пензу чего надо передать? Люда».

Да. Точно, её не переделать. Вот и вспомнилась мне русская мудрость: «Прожитое, что пролитое, — не воротишь». Про Вову с Витьком она ничего не написала. Бедная Людка... Почему она такая? Кто виноват?

Хотя времена меняются. Живя одной, в последнее время Людке было бы сложно курсировать в Пензу и назад, даже если у неё был немецкий паспорт. Уехав на длительный срок, она лишалась пособия, нужно было сдать квартиру хозяину, оплатить за 3 месяца и прочее. Если представить, что она всё сделала и вернулась, ей нужно было бы где-то прописаться. Квартиру бы ей дали, если бы она работала и могла бы её оплачивать. Такой вот круг, прямо как в СССР. А работу она бы не нашла, так как не было прописки... Да и не было для неё работы, не хотела она работать.